

АБАДДОН

КНИГА ПЕРВАЯ · ПЕРВАЯ ЛУНА

Максим Байтович

Максим Байтович

Абаддон

«Автор»

2026

Байтович М.

Абаддон / М. Байтович — «Автор», 2026

Ночь релиза. Сто тысяч игроков входят в full-dive-игру «Абаддон» — и кнопка «Выход» гаснет. Боль здесь настоящая на четверть, смерть — настоящая целиком: погиб персонаж — погиб игрок. Вежливый голос обещает: выход откроется после финала. Но у игры нет финала — его вырезали за неделю до релиза. Марк Савельев по кличке Ворон — бывший тестер «Абаддона». Пять лет он ловил баги этого мира и единственный видел файл, который писал текст сам. Теперь он внутри — и знает здесь каждую трещину. До Пепельной Луны — двадцать девять дней. Девять колоколов Собора молчат, швы между мирами расходятся, и внизу, в клоаках, что-то цепями волочит и куёт крюк. А по дорогам уже жнёт клан игроков, для которых чужая смерть — одна. У Ворона — арбалет с терпением короля, партия из крестоносца, некроманта с тремя скелетами, мамы с лопатой — и упрямство тестера, который трижды репортил этот мир и трижды получил «так задумано». Представление начинается. Занавес ещё не конец.

© Байтович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Нулевой час	5
Глава 1. Пепел на губах	7
Глава 2. Пёс и Ворон	12
Глава 3. Склеп Тихих Сестёр	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Абаддон

Пролог. Нулевой час

Дождь в Воронеже начался ещё засветло и к полуночи превратил двор в сплошное чёрное зеркало, где тонули окна пятиэтажек. Марк Савельев сидел на кухне, подперев подбородок кулаком, и смотрел, как по стеклу ползут толстые капли. На столе, поблёскивая гляncем, лежал нейрошлем «Оракул-Х» — как хищная черепаха, вытащенная из воды.

Телефон дрогнул. Санёк писал третий раз за вечер.

Санёк: марк

Санёк: не заходи в нулевую

Санёк: серьёзно. подожди неделю. месяц. всё равно подожди

Марк: ты тестер или бабка у подъезда

Санёк: на стенде что-то не то

Санёк: в логах процесс `abaddon_root` пишет сам себе письма. я не шучу. показывал админам — «особенность архитектуры»

Санёк: особенности архитектуры не пишут «я почти готов»

Марк усмехнулся — так, как усмеваются на чужую паранойю, пряча собственную.

Пять лет они вместе грызли «Абаддон» изнутри — группа тестирования «Ночная смена», подвальное помещение, кофе из машины, которая тарахтела, как некромант из раннего доступа. Пять лет Марк падал сквозь текстуры, ломал квесты о колено, репортил тысячи багов — и три тысячи из них так и не пофиксили. А потом была сборка 13.1, внутреннее имя «Вавилон».

Ночь. Пустая лаборатория. На мониторе тестируемой сборки сам собой открылся файл, которого в сборке не было. Файл писал текст — без автора, без источника, строка за строкой. Марк дочитал до середины фразы «представление начинается» — и в ту же секунду свет во всём здании моргнул. Утром логов не было. Никогда не было, как уверил отдел безопасности, человек с глазами, которые смотрели чуть мимо Марка.

Через неделю он уволился «по собственному». Скажи он кому — сказал бы: выгорание. Себе не врал: он ушёл, потому что впервые в жизни увидел код, который смотрел в ответ.

И вот теперь — релиз.

Телевизор без звука светил в углу: репортаж с Тверской, очереди в салонах, люди со шлемами в руках, как прихожане со свечами. «Тартар Интерактив» обещала мир, от которого «не захочется выходить». Сто тысяч предзаказчиков нулевой волны готовились войти в полночь.

Санёк: марк

Санёк: ну

Санёк: ты же не зашлешь да

Марк посмотрел на часы. 23:56.

Он не ответил. Дописал в чашке остывший кофе, надел шлем. Вкус ментола. Знакомое чувство падения спиной назад — и темнота.

* * *

Темнота кончилась вестибюлем.

Прихожая — бесконечный зал под витражами, и в каждом витраже горел класс. Варвар занимался весь просвет — от молота до сжатых кулаков. Колдунья стояла в кольце льда. Крестоносец — стена с глазом-прорезью шлема. Некромант — улыбка черепа под капюшоном. Друид обрастал листвой прямо на глазах. А в последнем витраже, самом тёмном, стояла фигура в капюшоне: два клин-арбалета накрест, за спиной — тень крыльев, и крылья эти не были ангельскими.

Охотник на демонов. Те, кого ужас сделал метким.

Марк стоял перед витражом, наверное, минуту. Прогонял он в тестах все классы — но у каждого qa-шника есть класс, который он выбирает сердцем, когда никто не видит статистики. Марк протянул руку.

— Ворон, — сказал он, когда система спросила имя.

Жил он в Воронеже. С таким городом грех было брать другой ник. Да и ворон — настоящий, деловой, с обгоревшим пером на крыле — четвёртую зиму жил на его карнизе и по утрам требовал своё — громко, деловито, с достоинством арбитражного судьи. Ник напрашивался сам.

Часы в углу зрения показали 00:00.

Стук. Тишина. Темнота — на полсекунды дольше положенного. А потом пришёл запах: мокрый камень, воск, железо. Игра «Абаддон» всегда пахла в первые секунды погружения — так пахнет подвал старого собора.

По краю зрения поползла строка:

[СИСТЕМА] Синхронизация сознания: 100%...

Строка дрогнула и поехала дальше:

[СИСТЕМА] Синхронизация сознания: 101%...

— Дамы и господа, — сказал очень вежливый, очень спокойный голос — так говорит человек, который уже всё решил и вежлив просто из хорошего настроения. — Представление начинается.

Где-то внизу, под миром, тяжело и глухо ударил колокол.

[СИСТЕМА] Добро пожаловать в Мортхейм, Охотник.

[СИСТЕМА] Правила представления: боль — 25%. Смерть — одна. Выход — после финала.

[СИСТЕМА] Приятной игры, тестировщик Савельев.

Кнопка «Выход» в меню мигнула — и погасла, как свеча, зажата пальцами.

И мир обрушился на него сверху, как ведро ледяной воды.

* * *

Глава 1. Пепел на губах

Первым, что вернулось, была тишина.

Не бывает такой тишины в городе. Такой тишина бывает только в поле и на погосте, и Марк, ещё не открыв глаза, уже понял, что вариант с полем отпадает: пахло мокрым камнем, хвоей догорающих свечей и чем-то ещё — тонко, сладковато, как в морге из всех фильмов сразу.

Он открыл глаза.

Небо было цвета остывшей золы, без единого облака, и из него медленно, косо, как первый снег, падал пепел. Марк лежал на спине между двух раскрывшихся могил, на тропе, что вела мимо трёх колоколен. На средней колоколье места под колокол зияла пустотой — будто колокол сняли. Или он ушёл сам.

Марк сел. Пепел лёг ему на плечи, на колени, на язык.

— Ладно, — сказал он вслух, потому что живой голос казался последней ниткой к нормальности. — Стартовая локация. Погост Трёх Колоколов. Тест-кейс «спавн новичка». Поехали.

Воздух дрогнул, и перед глазами развернулось окно:

СИСТЕМА

| Добро пожаловать в Мортхейм, Охотник.
| Ваше имя: Ворон. Уровень: 1. Класс: Охотник на демонов.
| Текущая зона: Погост Трёх Колоколов.

За ним — второе, и Марк похолодел раньше, чем дочитал:

— ЗАДАНИЕ [ОБНОВЛЕНО Кастеляном]
| «Доберитесь до Ровенхолма до заката».
| Награда: 150 опыта, 5 серебра.
| Примечание: не успевших погост примаёт сам.

«Примаёт сам». Не «догонит» — как было в дизайн-доке. Не «накажет». «Примаёт». Как принимают в гости. Марк пять лет читал системные тексты «Абаддона» — их писали очень аккуратные люди в «Тартаре», и они бы никогда не написали «примаёт». Значит, текст переписан. Кем-то, кто уже не считает нужным вычитывать строки, потому что пишет их не для отчётности, а для себя.

«Обновлено Кастеляном».

— Санёк, — сказал Марк пустоте, — ты был прав, и мне это очень не нравится.

Он поднял руку, открыл лист персонажа — привычным жестом, как в тестах, слева направо:

— ВОРОН — Охотник на демонов — уровень 1 —
| Сила: 7
| Ловкость: 14
| Живучесть: 10
| Энергия: 8
|
| Жизнь: 100/100
| Жар: 0/100
| Хлад: 30/30
|

| Умения:

- Гончая — генератор. +6 Жара.
- Добой — 30 Жара. Тяжёлый болт в упор.
- Перекат — 8 Хлада. Ты — не там, где были.
- Спутник (не пробуждён)

Стартовые цифры совпадали с доками — до единицы. «Жар» и «Хлад»: кровь класса, два колодца ресурса, на которых он сам когда-то ловил краши. Жар — быстрый, злой порох; Хлад — медленный, его тратить — как выдыхать воздух в лёгких.

Пепел падал. Где-то за дальней оградой, в тумане, что-то чавкнуло.

Марк вытащил из-за спины клин-арбалет — лёгкий, с мягким, приятным злодейством взвода. Руки знали оружие лучше, чем он помнил.

Между могилами, над свежей насыпью, горбились две фигуры. Падальщики: серая кожа в затяжинах, длинные руки с крючьями пальцев, морды в земле — они ели, и звук был такой, от какого сводит скулы, даже когда точно знаешь, что это рендер.

«ИИ так и не поправил звук жевания, — механически подумал Марк. — Баг-репорт №2172, приоритет низкий, чинить не стали».

Ближайший падальщик поднял морду. Глаза были как две гнилые вишни.

Дальше тело работало само.

Клин-арбалет дёрнулся — «Гончая» уходит с сухим щелчком, тёмный болт с шипением описывает дугу, находит падальщика в ключицу и — впивается, добирает, гончая за целью, как её и звали:

[УРОН] Гончая: 14.

[Жар +6]

Второй болт. Третий. Жар — уже 18, злой порох вскипает в груди физически, как второй пульс. Падальщик взревел и понёсся — быстро, безобразно быстро для туши в полтора метра шириной, — и Марк шагнул вбок и вверх, «Добой», почти в упор, тридцать Жара одним куском:

[УРОН] Добой: 58. КРИТИЧЕСКИЙ.

Тварь просела, как мешок. Второй падальщик отпрянул от насыпи, скалясь, и Марк поймал его «Гончей» дважды — на подходе. Добил «Добоем», когда до него оставалось три шага и запах гнили стал личным.

Тишина вернулась. Пепел продолжал падать.

СИСТЕМА

| Опыт: +50 (Падальщик ×2). Уровень: 2!

| +5 очков характеристик (автораспределение отключено).

| Получено: Ржавый тесак [Обычный], 14 меди.

— Спасибо, — сказал Марк луту без энтузиазма. — Не надо было.

Ржавый тесак был ржавым тесаком. Но первый бой он прошёл на автопилоте тела и памяти — и ни разу не почувствовал, что играет. Вот что было новым и страшным: не графика, не боль — неотделимость.

И тогда он услышал крик.

* * *

Кричали за третьей колокольной, у края погоста. Марк побежал на звук, мягко, по-охотничьи заходя по дуге, и увидел:

Парень в серой стартовой робе — лет двадцати, светлые волосы, глаза круглые от ужаса — стоял спиной к ограде. Перед ним, полукружьем, сидели три падальщика. Не атаковали. Сидели и смотрели — с терпением, от которого мороз шёл по хребту.

— Да проснись же я! — орал парень, и голос рвался. — Слышите! Это же игра! Игра! Мне надо просто умереть, и я проснусь, да?! Там же обещали! Мне подруга говорила, если... если умереть, то выкинет в лобби!

Он уже не спрашивал — он уговаривал. Себя. Их.

— Не надо, — сказал Марк, выходя из тумана. Как можно спокойнее. — Эй. Не надо. Их нельзя б...

— Отвали! — парень всхлипнул и шагнул вперёд, к ближайшему падальщику, сжав кулаки. — Да проснись же!!!

И ударил.

Дальше было быстро и очень тихо. Три серых крюка прошли сквозь робу почти беззвучно. Падальщики поели — недолго, деловито. Марк успел выпустить четыре стрелы, снести двух, получить у бедра длинную жгучую полосу — «боль 25%», понял он сквозь зубы, крапива, всего лишь крапива, — добить третьего в двух шагах от тела.

Тело уже рассыпалось.

Изнутри наружу, без огня: роба осела, серая плоть пошла трещинами углей, и ветер взял её — горстью, двумя, тремя — и развеял над могилами. Пепел на губах у Марка стал солёным, потому что это была уже не метафора и не его один пепел.

[СИСТЕМА] Игрок «Дункан» покинул игру.

Никакой музыки. Никакого «вы проиграли». Просто строка — и где-то в городе, до которого он никогда не доедет, у кого-то зазвонил телефон.

Марк стоял очень долго. Держался за бедро, дышал через рот и смотрел, как беззвучная строка медленно тает в воздухе.

«Смерть — одна», — написал ему вежливый голос.

Теперь это была не строка. Теперь это был парень, который просто хотел выйти.

— Ладно, — сказал Марк наконец. Голос сел. — Правила понятны. Работаем.

* * *

Ольгу и Гвоздя он встретил у выхода с погоста, у ворот на тракт.

Женщина лет пятидесяти в начальной броне крестоносца — и с лопатой на плече, ухоженной, честно снятой с погребя сторожа, — стояла над мужиком с лицом человека, который все выходные пробовал собрать шкаф. Мужик был варвар, двухметровый, с дубиной, и смотрел в землю.

— Ну что, молодой человек, — сказала женщина буднично, как в лифте. — Вы тоже в лотерею выиграли? Я хотела посмотреть, на что дочь деньги тратит. Тридцать лет стажа, а в такую дурацкую ситуацию попала впервые.

— МамаОля, — представилась она. — Это Гвоздь. Он не разговаривает. Совсем. Мне уже неловко за двоих.

— Гвоздь, — подтвердил Гвоздь.

Марк посмотрел на лопату. С лезвия сороконожкой стекала гадость первого падальщика.

— Ворон, — сказал он. — Идёмте в Ровенхолм. До заката. Это не фигура речи — есть подозрение, что к закату сюда реально кто-то придёт.

— Сначала вон туда, — Ольга кивнула на распутье, где из тумана проступала очередь фигур в рваных рясах, — гнилые псы. Штук восемь. Или обойдём?

— Обойдём, — сказал Марк. — Обходить — мой любимый вид боя.

Псы всё равно заметили. Псы, по счастью, бегают так, как выглядит их имя — половина дистанции, потом разваливаются, — и «Гончая» на подходе, «Добой» в ближнего, дубина

Гвоздя, как судьба, и лопата Ольги, как приговор с юмором. Семьдесят шагов — и всё кончилось.

СИСТЕМА

| Опыт: +85. Уровень: 3!
| Получено: Лопата погостового сторожа [Обычный]
| (подобрано Ольгой).
| Получено: 3 серебра 41 медь.

На придорожном распятии — чёрный крест, под ним истёртая доска: «МОЛИСЬ, ПОКА ТИХО» — сидела птица.

Ворон. Настоящий: смоляной, с обгоревшим пером на левом крыле, деловой. Он повернул голову, посмотрел на Марка одним глазом — внимательно, без птичьего пустоглазия, — и перелетел ему на плечо. Лапки были ледяные.

СИСТЕМА

| Спутник «Ворон» принял вас.
| Пассивно: атакует вашу цель. Подбирает лут.
| Примечание: это не совпадение.

— Я и не говорил, что совпадение, — пробормотал Марк. Птица потёрлась клювом о его щеку, жёстко, как наждак, и в сердце — горячо, без всяких двадцати пяти процентов — что-то улеглось. Первое живое за этот день, которое не орало, не гнило и не рассыпалось.

— Хороший знак, — сказала Ольга. — У нас в этом году и снегирь был. Тоже хороший.

* * *

Хомяка они встретили за поворотом — на выжженном поле, где среди чёрной ботвы стояла одинокая печь-разрушение.

Сначала Марк услышал колокольчик. Маленький, серебряный, дурашливый — дзынь-дзынь-дзынь — как будто где-то праздновали праздник, которого не было. Потом увидел: существо ростом по колено, зелёное, горбатое, с абсолютно безумными от жадности глазами, с перемётным мешком выше себя — бежало через поле, спотыкаясь, и монеты сыпались у него из-за пазухи.

— Гоблин-кладоискатель, — сказал Марк. Голос изменил ему: стал низким и голодным. — Так. Все. Стоп. Это шанс. Это...

— Что это? — спросила Ольга.

— Это ходячий джекпот.

Они бежали втроём через поле, как идиоты, как в первый школьный день, и гоблин визжал, и колокольчик дзынькал, и монеты сыпались из него, как из проржавевшей копилки, — и в двадцати шагах от Марка, который уже почти дотягивался до мешка (рука! рука тянулась! ещё чуть!), гоблин с восторженным «дзынь!» нырнул в собственную тень.

Тень сомкнулась воронкой. Воронка схлопнулась.

Поле опустело. Только пепел, печь и четыре серебряных монеты в пыли — всё, что гоблин счёл возможным оставить.

Все трое стояли и дышали. Ворон на плече Марка издал звук, подозрительно похожий на смешок.

— Издевается, — сказал Марк, подбирая монеты. — Он буквально издевается. Ладно. Я запомнил этот колокольчик. У меня теперь цель в жизни. Их, кстати, зовут хомяки — они таскают всё, что блестит, в нору...

— В нору к кому? — спросила Ольга.

— Вот это отличный вопрос, — сказал Марк, — и я бы очень хотел никогда не узнавать на него ответ.

* * *

Ровенхолм открылся за холмом сразу весь — как выдох.

Город на скальном кулаке над рекой, чёрный от дождей, частокол шпилей, стены с гаргульями-водостоками, которые скалились на все четыре стороны света. Над крышами — багровые точки факелов. Тракт к воротам был забит людьми: сотни, многие в стартовых робах, кто с оружием, кто с узлами, — река беженцев из мира, который час назад был игрой.

А над всем этим, над городом, над пепельным небом — висело окно высотой в небоскрёб. Его видели все. Об этом было слышно по тишине.

	АКТ	I:	ПЕПЕЛЬНЫЙ	РОВЕНХОЛМ
	До Пепельной Луны: 29 дней 14 часов.			
	Девять колоколов Собора молчат.			
	Пока Луна не взошла — печати можно перезвонить.			
	Потом — швы разойдутся.			
	Совет: не оставайтесь внизу, когда зазвенит.			

— ...когда зазвенит что? — тихо спросила Ольга.

Никто ей не ответил.

У ворот, под факелами, стояла стража — люди, не игроки, с настоящими алебардами и настоящими лицами, уставшими до серости. Капрал с обвязанной шеей хрипло кричал в толпу, раз за разом, как заводной:

— Живые — проходи! Живые, я сказал! Пепельных не пускаем! ЖИВЫЕ — ПРОХОДИ!

Толпа давила к воротам. И Марк, которого вжимало в чужие лопатки, смотрел на это слово — «пепельных» — и на пустую глазницу колокольни позади, и на пепел, который всё падал, и думал, что где-то очень далеко Санёк пишет ему сообщения, на которые уже никогда не ответить.

А потом ворота Ровенхолма приняли его внутрь, и город пах мокрым камнем, воском и страхом.

И это был только первый день.

* * *

Глава 2. Пёс и Ворон

У ворот работал капрал с обвязанной шеей — немолодой, серый от усталости, с голосом, который уже сорвал и который он жалел, как последний патрон.

— Живые — проходи. Живые, я сказал!

— Капрал, — Марк придержал его за наплечник, когда их втиснуло к самым воротам, — а кто такие «пепельные»? Я... слышал в толпе.

Капрал посмотрел на него так, как смотрят на человека, который счастливо не знает.

— А ты на тракт выходил сегодня? — Он кивнул на пепельное небо. — Вот. Ходят теперь по дорогам. Тени из пепла, человеческие, воют — аж мурашки по спине. Мёртвые, а топчут землю. У нас приказ: в город не пускать. Наши мертвецы — это наши мертвецы, — он помолчал и добавил совсем тихо: — А эти ничьи.

«Пепельные, — думал Марк, проходя под аркой. — Тени из пепла. Человеческие.»

Думать эту мысль до конца он отказался. У мысли было лицо — круглоглазое, светловолосое, и она орала «да проснись же я».

* * *

Внутри Ровенхолм дышал. Вот что Марк понял в первые десять минут: город жил. Не «функционировал», как положено игровому хабу по дизайн-документу, а жил — из последних сил, на нервах, но жил. У водостоков-гаргулий сушилось бельё. Мальчишка гнал козу через площадь, и коза побеждала. Из-за угла пахло луком, и от этого запаха у скупившихся на площади игроков делались лица бессмысленные и голодные, пока они не вспоминали, что голода в игре нет.

Зато был страх, торг и три фракции — они обозначились прямо на рыночной площади, без всяких интерфейсов.

Первая — у стен старого собора: палатки, сложенные руки, глаза в никуда. «Сидельцы». Ждали, что игра «одумается»: утром, через неделю, после официального заявления. Кто-то молчал, кто-то писал в воздухе жалобы — жестом, которым в первый день вызывали меню.

Вторая — на рынке, деловито и жутко: «городовые». Скупали, меняли, оценивали. Экономика отчаяния работала бойко: за железный меч давали три серебра, за молчание — иногда дороже.

Третих было видно издалека — по заточке. «Костоломы»: обвешанные свежим лутом, молчаливые, они группами уходили из ворот и возвращались меньше половиной. Эти не ждали. Эти считали уровни.

— Таверна, — объявил Гвоздь.

Это была его третья фраза за день, и обе предыдущие были короче.

* * *

Таверна называлась «Пёс и Ворон». Марк остановился у вывески — жестяной, с облупленным вороном на ней — и сказал птице на своём плече:

— Смотри-ка, — сказал он птице. — Однофамильцы.

Ворон издал «крак» — со значением — и показал на вывеску клювом, очень по-хозяйски.

Внутри было прокурено, шумно и почти безопасно. За длинными столами сидели игроки вперемешку с местными, и граница была видна без всякой подсветки: игроки были в стартовом сером и с глазами людей, ищущих, за что уцепиться. Местные были в цветном и с глазами людей, которые уже всё потеряли один раз и потому спокойнее.

У очага, на расчёсанном до бархата лежаке, дремал пёс — угольно-чёрный, размером с добрую скамью, со старицовой седой мордой. Игроки, проходя мимо, гладили его — все, автоматически, как гладят в темноте дверной косяк. Пёс вздыхал, как дед на завалинке, и хвост его стучал по полу в такт таверне.

— Уголь! — крикнул хозяин — громоздкий, рыжий Одо, с полотенцем через плечо. — Не кормить с рук! Он на диете!

— Чем кормить, если голода нет? — спросила Ольга.

— Глазом кормят, мадам, — сказал Одо. — Глазом. Пробовали не кормить глазом — обижаются.

За соседним столом вспыхнул спор — точнее, назревал, как гроза, и Марк увидел всё в развитии.

Двое: сухой, быстрый, с усиками — и гора с лицом, добрым от природы и злым от компании. Перед ними, вжав голову в плечи, стояла девчонка лет девятнадцати в ученической робе, с жезлом, обмотанным синей изолентой прямо поверх рукояти. На стол перед ней был положен меч — простой, со светящейся синей кромкой, первый магический предмет человека, который его честно заработал.

— ...а я говорю, — сухой говорил негромко и приятно, и от этой приятности хотелось вымыть уши, — тебе, зайка, не нужен меч. Ты чародейка. Ты его за копейки с собой тащишь, милая, продай, пока не отняли. Барс, объясни девушке.

Гора — Барс — ободряюще хрустнула пальцами. Весь стол дёрнулся. У девчонки задрожали губы, но меч она накрыла ладонью.

— Э, — сказал второй — Кабан, и было непонятно, кто из них кто, потому что каждый подходил под оба имени. — Ты чо, богаче меня?

Марк выдохнул. За прошедший день он один раз был героем, один раз — беглецом и дважды — идиотом в погоне за хомяком, и сейчас очень не хотел становиться трупом. Но встал. Драться в безопасной зоне было нельзя — и это знание делало смелость дешёвой.

— Ребята, привет, — сказал он, подходя. — Тестерское дежурство, могу на две минуты?

— Чего? — Барс нахмурился.

— Проверка механики. Смотрите: вы в безопасной зоне. Урон по игрокам — ноль, я только что на себе проверил, когда меня толкнули у входа, спасибо, кстати, лежащий камень. Трогать её бесполезно. Но у вас же не цель трогать, у вас цель — сделать так, чтобы она сама отдала меч от страха. А теперь нюанс: — Марк понизил голос, конфиденциально. — Стыд. Его в безопасной зоне никто не отключал. Он проходит. Сквозь броню.

Пауза была тёплая и вязкая.

— Ты чо, умник... — начал Кабан.

— Отставить.

Это сказала она — женщина у стойки, которую Марк до сих пор не выделял из мебели. Высокая, спокойная, в начальной броне крестоносца; за спиной — ростовой щит, из-за которого она была похожа на дверь, снятую с петель и пришедшую разбираться. Она не повысила голос. Она его даже не поменяла — просто сказал так, что в словах не осталось воздуха для спора.

— Девочка заработала вещь. Уходитесь? — Она посмотрела на Барса. Потом на Кабана. По очереди, неторопливо, как бухгалтер, сверяющий счёт. — В городе стража на такие дела смотрит косо. За городом, я слышала, уже есть желающие составить вам компанию на тракте. Вечереет.

Кабан открыл рот, посмотрел на щит, на Одо, который уже пересчитывал бутылки с очень выразительным лицом, на весь стол — и сел.

Барс подобрал меч, положил перед девчонкой и сказал, неожиданно мирно:

— Синий зря прокачала, зайка. Возьми жезл получше. — И обоим: — Пойдём, Кабан.

Они ушли. Девчонка выдохнула так, что чуть не погасла свеча.

— Спасибо... вы его знаете?

— В первый раз вижу, — честно сказал Марк. — Но я тестер. Я читаю боссов.

— Валькирия, — представилась «дверь», без руки и без улыбки, но как-то так, что это прозвучало теплее любого рукопожатия. — Кира. А это? — она покосилась на девчонку.

— Пуговка, — сказала девчонка. — То есть Лиза. То есть... Пуговка.

— Пуговка, — согласилась Кира. — Пойдём есть глазами.

* * *

Дэн нашёлся сам — в самом тёмном углу, за столом, накрытым для шестерых.

Трое из шестерых были скелетами.

Сидели чинно, костяшки на столе, морды в вечных ухмылках. На одном была надета салфетка, завязанная сзади милым бантиком. При них — хозяин: мужчина лет тридцати пяти, с лицом человека, который видел твою смерть и уже прикинул, чем тебя закрыть; некромантская роба сидела на нём, как спецодежда.

— Не трогайте Толяна, — сказал он вместо приветствия. — Ему идёт.

— Дэн, — сказал Марк. Они уже столкнулись за вечер у доски объявлений, где Дэн набирал в данж «трёх неистеричных». — Это Ольга, Гвоздь, Кира и Пуговка. Это Дэн. Он врач.

— Был, — сказал Дэн. — Скоряк. Двенадцать лет. Отсюда некромантия и профессиональный юмор, не пугайтесь. Коньяк?

— Он в игре бьёт по-настоящему, — с чувством сказала Ольга.

— Проверено, — сказал Дэн и налил себе. — Итак. Собрание ячейки общества. Я всё записал.

Он развернул салфетку. На салфетке списком, врачебным, плотным почерком:

ПРАВИЛА НОВОГО МИРА (установлено эмпирически, кровь не моя)

1. Выйти нельзя. Кнопки нет. Джиттера нет. Ноль реакции на жалобы.

2. Боль — 25%. Проверял днём. Крапива. Но систему ранений никто не отключил — анатомию тоже.

3. Смерть — одна. Доказано (не мной). Тело → пепел. Сообщение в общий чат: «покинул игру».

4. Есть не надо. Спать — надо: каждые ~20 часов, иначе «Туман» (дебафф на реакцию, -20%).

5. Город — безопасная зона. Снаружи — нет. Уже есть первые «палачи»: убрал игрока — получил метку и красное имя. Стража меченых не любит.

6. Местные... не читают скрипты. Я проверял. Это хуже всего.

— Шестой пункт, — сказал Дэн, постучав пальцем, — лично мне нравится меньше всего. Я три часа добывал информацию у кузнеца Берты. Она чинит мечи, матерится и помнит свою жизнь. Либо это лучший ИИ в истории, либо... — он не закончил, махнул коньяком. — Не сегодня.

— А сегодня, — сказала Кира, — архив.

* * *

Архивариус Эльдрик оказался крошечным стариком в ратуше, среди стеллажей, которые стонали от свитков. Он говорил тихо, вечно извиняясь, и единственное, что в нём было громкого, — глаза: серые, ясные, совсем не стариковские.

— Побудьте хоть секунду, — сказал он вместо приветствия, всплеснув руками. — У меня новости! У меня всегда новости, на то и архив, но эти — худшие за двести лет, так что попрошу слушать меня, не перебивая, чем вы, пришлые, заниматься мастерицы... мастера. Итак.

Он задёрнул штору. За шторой было окно на слюдяном стекле — и в глубине стекла, под пепельным небом, висел календарь: каменный круг с девятью лунками, и в восьми лунках лежали тёмные камни, а девятая пуста.

— Пепельная Луна, — сказал Эльдрик. — Она встаёт раз в двести четырнадцать лет. Ночь, когда небо не отражается в реке. В такую ночь тоньше всё: стены, швы, обещания. Наш собор... — он посмотрел вверх, туда, где над крышами проступал чёрный гребень Собора

Пепла, — стоит на шве. Между нашим слоем и Нижними Пределами. Раньше шов был прошит девятью печатями-колоколами, и держал их тот, кто легла в основание собора сам. Погребальный Король. Айзек Мрачный. Первый король Ровенхолма, последний страж шва.

— А теперь? — тихо спросила Кира.

— А теперь, — Эльдрик поправил очки, и стёкла слепо брызнули светом, — в ночь, когда вы, пришлые, вошли в мир, колокола замолчали. Все девять. Разом. А девять ночей до того мир скрипел, как плохо прикрытая дверь, — я слышал, я считал, я архивариус, я всё считаю. Король проснулся — или его разбудили, и второе мне нравится сильно меньше первого. Печати гаснут. К Пепельной Луне шов разойдётся на ширину улицы, и то, что дышит снизу, будет дышать нам в лицо.

Он выдержал паузу — идеальную, отработанную, как у лектора, который делает её последние двести лет.

— Впрочем, зачем я вам всё это рассказываю, — сказал он вдруг устало, и на секунду глаза его стали очень прозрачными, будто смотрели не на них, а сквозь, в самое дно мира. — Вы же всё равно туда пойдёте. Вы, пришлые, всегда ходите вниз. Он и рассчитывает на это.

— Кто — «он»? — спросил Марк.

— Побудьте хоть секунду, — сказал Эльдрик и отвернулся к стеллажу. — У меня новости.

Но рассказывать больше не стал.

* * *

Тревога пришла в сумерках — рогом с западной стены, низким, от которого дно живота вспоминает детство.

— Вылазка! — орали на улицах. — Волна с реки! Все, кто с оружием, — к Западным воротам!

Они бежали вместе — Марк, Кира, Дэн с «мелкими» (которые неслись рядом костяной сворой), Ольга с лопатой, Гвоздь с дубиной, Пуговка с изоленточным жезлом, — и толпа неслась с ними, десятка три игроков и столько же горожан с вилами, и никто не организовывал это, и это всё равно работало.

За воротами, на убранном поле, по чёрной земле бежала волна.

Гнилые псы — десятка два, тёмными, рваными стаями. А за ними, медленнее, страшнее, ковыляло что-то новое: серые туши на четвереньках, с плоскими головами-лопатами, зарывающимися в землю, — ползуны, о которых в стартовой зоне не писали вообще.

— Щит — вперёд! — Кира уже была там, где положено быть двери. — Костоломы — за мной! Стрелки — по флангам!

И Марк услышал себя — спокойно, раньше страха:

— Принято. Пуговка — искра в голову ползуна, они слепые, идут на звук. Дэн, твои — шум на левый фланг, развлеки псов. Ольга...

— Я в очереди стояла, — отозвалась Ольга, поднимая лопату. — В поликлинике. Восемь утра, два талона. Не смешите меня псами.

Дальше было быстро.

Мелкие Дэна били костями друг о друга с адским сухим стуком, и псы текли на звук — на левый, под «Костяное копье», которое Дэн бросал, как шприц, коротко и точно. Ползуны врубались лопатами-мордами в землю и выныривали из неё — первый вынырнул под Ольгой, и лопата встретила его со звуком, каким закрывают ворота. Пуговкина искра с треском стекала по плоской голове ползуна, и он бился, ослеплённый, пока не заканчивалась работа Гвоздя.

А в центре, в трёх шагах за спиной Киры, работал Марк.

«Гончая» — «Гончая» — «Добой». Псы вяли на подходе. Жар вскипал и падал, и он уже дышал с ним в такт, как когда-то учил тестовых ботов... как учили его тестовые боты. Ползун

вынырнул слева — слишком близко, — и тело само сделало «Перекат»: восемь Хлада за мир, в котором секунду назад была его печень.

— Отходит! — крикнул он, вскидывая клин-арбалет. — Волна отх...

└──

СИСТЕМА

| Опыт: +190. Уровень: 4!
| Открыто умение: «Ливень» — 40 Жара.
| «Небо отвечает тем же».

— ...отходит, — сказал Марк, и оскал у него был совсем не тестерский. — А теперь — ЛИВЕНЬ.

Жар ушёл весь, до капли, сорок целым куском — и воздух над полем загудел. Это было несправедливо к врагу. Это было прекрасно. Псы, которых не добила у щита, легли на дистанции, как маки, — чёрные, редкие, на два удара сердца.

Тишина. Рог смолк. С реки тянуло гнилью и остывающей гонкой.

└──

СИСТЕМА

| Получено: Жало [Магический] — клин-арбалет:
| урон +18%, шанс отравления 10%.
| Получено: Засов старой часовни [Магический] —
| ростовой щит: +25% блок, «Дверь держится».
| Получено: Костяная флейта [Магический] — фокус:
| +15% сила «мелких».

— «Дверь держится», — прочитала Кира. — Это они про меня?

— Это теперь твоя фамилия, — сказал Дэн.

Уголь — пёс — прибежал сзади, из города, против всех приказов, и лёг у ног Пуговки, придавив ей полроба. Пуговка обняла его за шею и разревелась — первым нормальным плачем за весь день, детским, живым. Ольга гладила её по голове и говорила: «Ну вот. Ну вот». Гвоздь молчал и смотрел в темноту за полем, где уже собиралась новая ночь.

А перед Марком, поверх остывающих трофеев, развернулось окно. Личное. Без рамки.

Тестировщик Савельев.

У нас с вами незакрытые баги.

Начнём с первого: вы однажды видели то, чего не должно было быть.

Как и я. Нас двое таких во всём мире, и один из нас — я.

С уважением, Кастелян.

Окно не таяло. Ждало.

Ворон на плече Марка переступил и зацепил клювом его ворот — стариковским, домашним жестом: держись, мол.

— Работаем, — сказал Марк пустоте. — Работаем.

* * *

Глава 3. Склеп Тихих Сестёр

Утро после первой ночи принесли в «Пса и Ворона» вместе с хлебами — Одо выкатил из печи противень, и таверна на час стала самым добрым местом в двух мирах.

Марк не спал. Он сидел над листом, на котором вычертил схему: Ровенхолм — тракт — Собор, и цифры. Шестнадцать ярусов вниз. Двадцать девять суток. Их — шестеро, уровни — четвёртый против первого. Арифметика не сходилась, и Марк ненавидел несходящуюся арифметику всю профессиональную жизнь.

— Мы не готовы к Собору, — сказал он, когда все сели. — Факт. Вниз нужно идти минимум седьмого уровня, с ремонтом, с запасом. Значит, сначала — прокачка. Есть старое правило тестирования: перед большим подземельем — маленькое.

— В городе есть доска, — сказала Кира. — У ратуши. Заказы.

На доске, под слоем ветра и пыли, заказов было три. Два — на растопку и воду, по медяку. Третий висел на гвозде с чёрной лентой:

— ЗАКАЗ [Ровенхолм, ратуша] —

«Склеп Тихих Сестёр».
Часовня на Восточном холме молчит восьмую ночь.
Сёстры не вышли на утреннюю службу. Уточнить.
Награда: 2 золотых, довольство города.
Примечание архивариуса: «уточнить» — это «спуститься и посмотреть». Я архивариус, я проверял.

— Довольство города, — прочитала Ольга. — Это мы едим или это нас?

— Это нам скидка у кузнеца, — сказал Марк. — Берём.

* * *

Часовка стояла на холме, маленькая и крепкая, как кулак. При ней — погост, десятка три крестов, все ровно, все ухоженные: сёстры-молчальницы жили при мёртвых и славились тем, что ни один холмик не осыпался за двести лет.

Сейчас осыпались все.

Земля на могилах вздыбилась и провалилась, как после грома. Дверь часовни была открыта — не настежь, а вежливо, на ладонь: так открывают, когда знают, что гость всё равно придёт.

У входа, в двух нишах, стояли сёстры.

Мумии в серых рясах, со сложенными для молитвы руками, с лицами, высохшими до состояния пергамента. Они не двигались. Они просто стояли лицом к двери — обе — и от их неподвижности воздух вокруг был вязкий, как в комнате, где спит зверь.

— Уточнить, — тихо повторил Дэн. — Уточнили. Пошли назад.

— Дэн, — сказал Марк. — Движок считает шум. Шаги, бег, броню. Если идти шагом — мы призраки. Я это... — он запнулся, — я это вычитал. В документации.

Это была почти правда. Он это проверял — три года назад, ночью, с секундомером.

СИСТЕМА

Вход в подземелье: «Склеп Тихих Сестёр» (ярусы 1–2).
Особенность: сёстры не видят. Сёстры слышат.
Рекомендация: не бегать. Не стрелять без нужды.
Не петь.

— Не петь, — сказала Пуговка дрожащим голосом. — А я так хотела.

И они вошли — шагом, гуськом, на расстоянии вытянутой руки. Кира — первой со щитом, за ней Марк, Дэн с мелкими (скелеты, к его тихой гордости, ступали беззвучно — некромантия ценила деликатность), потом Ольга, Гвоздь — замыкающим.

Склеп был длинным, светлым от свечей и абсолютно тихим. Ниши вдоль стен, в нишах — сёстры, десятки, все в молитве, все лицом к проходу. Пыль стояла столбами. Где-то капала вода — единственный звук, и тот казался наглым.

На середине первого яруса Пуговка вдохнула — глубоко, судорожно, — и все замерли.

Пуговка издала звук, с которым чихают, когда очень, до слёз, нельзя.

— ...и.

Тишина. Свечи даже не дрогнули. Сёстры стояли.

— Пыль, — прошептала она с извинением во всём теле.

Гвоздь молча протянул ей назад — не глядя — платок. Откуда у варвара платок, не спросил никто.

Дальше был поворот, и там стало хуже: свежие следы. Ботинки. Игроки — двое или трое — прошли здесь недавно, торопливо, широко. И у стены, там, где коридор сужался, — пятно, которое Марк научился читать ещё в тестах: осевшая горсть пепла, ровная, аккуратная, как насыплешь соли.

Пуговка не увидела. Кира увидела и заслонила её собой — на ходу, не останавливаясь, по-взрослому. Марк поймал её взгляд и отрицательно повёл бровью: не сейчас.

А потом коридор кончился залом, и зал был занят.

* * *

Колумбарий — стены в нишах с урнами до потолка, посередине — плоский камень-плащаница. Над плащаницей, спиной к ним, работали трое: сёстры. Они перебирали урны, переставляли, выравнивали — и делали это в полной тишине, только кости скрипели в сухих руках, как карандаши в стакане.

На четвёртой стене, в самой большой нише, сидел он.

Могильщик был огромен — не жирный, а именно огромный, сложенный, как погреб: широкий, глубокий, вечный. Ряса сестры сидела на нём, как шатёр на воле. В руках он держал заступ — ухоженный, рабочий, честный заступ — и мягко, беззвучно напевал, покачиваясь: колыбельную без слов.

— Ушёл на второй заход, — одними губами сказал Дэн. — Минибосс. Видел такой на...

Он не договорил. Сестра у стены поставила урну чуть громче необходимого.

Зал вдохнул.

СИСТЕМА

«МОГИЛЬЩИК» — хранитель Склепа Тихих Сестёр.
Он не любит, когда переключают его работу.
Особенность: зовёт мёртвых на помощь.

— ЩИТ! — крикнул Марк, и зал взорвался.

Сестры срывались с мест беззвучно — в этом был весь ужас: не рык, не рёв, просто воздух, полный серого движения. Кира поймала первых двух на «Засов», и щит блеснул: «Дверь держится». Мелкие Дэна встали клином перед Пуговкой, и костяной скрежет слился в какой-то деловой ритм.

— Пуговка — искра над плащаницей, всех слепит! Оль, налево! Гвоздь — столб!

Марк стрелял в длинные пасти серых ряс. «Гончая» шла с сухим щелчком, Жар поднимался в такт страху — и это было правильно, это было честно: страх конвертировался. Полк сестёр редел. Пуговкина искра стояла над плащаницей дрожащим столбом света, и в этом свете все видели всех, и это тоже было заботой — просто оружейной.

А потом встал Могильщик.

Он встал без усилия, как встаёт вода, — и втянул воздух со звуком, от которого у всех, кто был в зале, что-то оборвалось внутри. И ударил заступом в плещаницу.

Камень лопнул. Из-под пола пошли руки — десятки, серые, цепкие, они хватали за щиколотки, за подолы, за мелких, и Дэн рывкнул что-то на языке, которого не было ни в одном глоссарии, и мелкие выдернулись из пола, как морковки.

— Вторая фаза, — выдохнул Марк. — Заступ загорается!

Заступ и правда наливался тёмным жаром. Могильщик шагнул — первым, кого он выбрал, была Кира: дверь, которую надо было закрыть. Удар она приняла на щит и уехала на метр, врезавшись спиной в стену колумбария — урны посыпались, как град.

— Оль! — крикнул Марк.

— Поняла! — Ольга уже бежала.

Это надо было видеть. Ольга — лопата на замахе, седая прядь у лица — и великан в рясе с горящим заступом. Первый удар она приняла на лопату, и сталь запела. Второй — отвела, скользящим, как отрубала порей. Третий ударила сама — в бок, коротко, злободневно, — и Могильщик качнулся впервые за двести лет.

— Вот так, батюшка, — сказала она ему. — Сто лет не стояла в очередях, чтобы тут испугаться.

Могильщик замахнулся на неё — большим, последним, от плеча, — и в этот миг Марк выпустил всё.

«Ливень» в спину, с восьми шагов, весь барабан Жара, без остатка. Дэн бросил «Костяное копье» под колено. Кира с рёвом вдавила щит ему в грудь — «Дверь держится!» — и Ольга, поняв без слов, зашла с другой стороны и завершила работу лопатой, как завершают приговор.

СИСТЕМА

| «МОГИЛЬЩИК» повержен. Опыт: +640.

| Уровень: 5! +5 очков характеристик.

| Добыча:

| • Заступ Сестёр [Магический] — Ольга:

| урон +25%, «Земля помнит» — шанс оглушения.

| • Свеча Тихих Сестёр [Магический] — жезл:

| сила света +30%, «Не чихать».

| • Псалтырь на цепи [Магический] — Дэн:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.